

Беседина Н.А.

Тамбовский государственный университет

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ЯЗЫКЕ

Статья посвящена выявлению когнитивных оснований морфологической репрезентации в языке, подразумевающей категориальный способ структурирования концептуального содержания посредством морфологических категорий и форм.

Познавательная деятельность человека, как известно, приводит к формированию в его сознании системы знаний о мире, или концептуальной системы. В качестве базовых элементов этой системы выступают концепты, определяемые как содержательные оперативные единицы знания [см.: 8, 7]. Концептуальная система представляет собой все многообразие концептов, которыми человек оперирует, как в процессе обработки поступающей к нему информации, так и в процессе речемыслительной деятельности. Кроме того, она включает механизмы формирования и взаимодействия концептов, а также представления об отношениях между концептами и разнообразные средства их языковой репрезентации. Концептуальная система репрезентируется языковыми средствами различных уровней, с помощью каждого из которых объективируется только лишь определенная ее часть. Традиционно, ведущая роль в этом отводится лексике, хотя, как признается практически всеми лингвистами, наиболее важная часть концептуальной информации, наиболее существенные с точки зрения языка смыслы фиксируются в грамматике языка, и прежде всего в морфологии. В связи с этим А. Вежбицка образно называет грамматику областью привилегированных значений [15].

Соответственно, возникает необходимость выяснить, как морфология задействована в мыслительной деятельности человека, в обработке получаемой по различным каналам информации, ее хранении и использовании и как она взаимодействует с другими компонентами языковой системы при выполнении этих функций. Исследовать роль морфологии в перечисленных процессах – значит, на наш взгляд, прежде всего выявить когнитивные основания морфологических категорий, специфику последних с учетом человеческого восприятия и особенностей образования концептуальной системы человека. На рассмотрение данных вопросов и направлена настоящая статья.

В качестве исходного в ней принимается положение о том, что в морфологии передаются базовые представления о мире в целом и о мире языка в частности. Морфологическая система отражает категоризацию наиболее важных участков концептуальной системы, а морфологические категории являются средством объективации и репрезентации особого уровня категориальных значений.

Следовательно, можно говорить о существовании особого типа репрезентации – морфологической репрезентации. Она подразумевает категориальный способ структурирования концептуального содержания посредством морфологических категорий и форм. Последние обеспечивают концептуальную сетку, каркас для распределения концептуального материала, выраженного лексически [8], и в определенном смысле обслуживают лексику. Именно эта особенность обуславливает взаимосвязь морфологии и лексики. Такая взаимосвязь предполагает, с одной стороны, уточнение и конкретизацию категориальных значений в синтаксисе, а с другой – наличие скрытой грамматики как переходной зоны между формально-грамматическими, собственно морфологическими категориями и лексическими тематическими группами, а также необходимость языкового, в смысле ориентированного на репрезентацию в языке, концептуального содержания.

Морфологические категории вследствие этого носят «глобальный, максимально абстрагированный характер и ориентированы в большей степени на уточнение и коррекцию в синтаксисе» [10: 16]. Поэтому, по мнению Н.Н. Болдырева, большая часть категориальных значений выражается функционально, а в установлении статуса морфологических единиц возрастает роль синтаксических параметров [10].

Категориальные значения, как отмечает Б.А. Серебренников, составляют часть «жестко заданной рамки», т. е. стабильного компонента концептуальной системы. Именно этим категориальным значениям принадлежит важ-

ная роль в установлении обратных связей между языком и планом концептуального. А основополагающие стабильные значения (элементы смысла) кодируются с помощью грамматических (морфологических. – Н.Б.) показателей [11: 86-87]. Однако совершенно очевидно, что только часть категориальных значений получает морфологическое выражение. Именно они и представляют интерес для настоящего исследования.

Категориальная часть концептуальной системы, репрезентируемая морфологически, предстает в виде морфологически передаваемых концептов. Это понятие является центральным понятием в развиваемой концепции и используется для обозначения структур знания, передаваемых средствами морфологического уровня. Морфологически передаваемые концепты являются результатом «обобщения информации о языковых объектах, их свойствах и употреблении, а также о том, как связи и отношения между языковыми объектами отражают отношения между реалиями окружающего мира» [4: 46]. Иными словами, они представляют собой языковое знание.

Из положения о том, что концепт имеет две ипостаси существования – как единица структурированного знания и как структура знания, выраженная в языковых формах, с необходимостью следует, что морфологически передаваемые концепты – это, с одной стороны, определенные единицы категориальной части концептуального уровня, репрезентируемые с помощью морфологических категорий и форм, а с другой стороны, это концепты, лежащие в основе морфологических категорий и получившие объективацию в языке.

Сказанное позволяет заключить, что в основе формирования морфологических категорий лежит определенное осмысление отношений человека с миром в целом и с миром языка в частности, т. е. концептуализация мира человеком средствами того или иного языка. Результатом такого осмысления как раз и является морфологически передаваемый концепт. Это имеет своим следствием тот факт, что морфологические категории оказываются весьма неоднородными в плане языковой онтологии и реализуют различные уровни концептуализации в языке. Выделение этих уровней основывается на разграничении понятий предикативности, сказуемости и собственно семантики языковых единиц [см.: 9, 2, 3].

Разграничение данных понятий обусловлено внутренне неоднородной сущностью лексико-грамматических классов слов и их морфологических категорий. Последние служат средством уточнения связи языкового знака с той или иной концептуальной категорией, передаваемой тем или иным лексико-грамматическим классом слов в синтагматической речевой деятельности. Тем самым морфология фиксирует типичные связи между семантикой и синтаксисом и в целом служит техникой языковой системы [2].

Предикативность понимается как свойство всего предложения в целом, соотносящее содержание предложения-высказывания с действительностью, а точнее, выражающее актуализированную отнесенность к действительности. Ее выражение не ограничивается рамками формально-грамматического членения предложения и выходит за рамки собственно пропозиции. Сказуемость же связана с выражением пропозициональных, т. е. субъектно-объектных отношений и ориентирована на отношения внутри пропозиции, т. е. выражается в рамках формально-грамматического членения предложения. Третий уровень концептуализации в морфологии – это уровень собственно семантики языковых единиц. Этот уровень показывает, как репрезентирована и категориально организована в языке семантика, ориентированная на внешний мир. С помощью морфологических категорий распределяется знание о мире, передаваемое лексически.

С учетом выделенных типов взаимодействия морфологические категории могут быть разделены на категории, отражающие взаимодействие человека с внеязыковой реальностью, т. е. с миром в самом широком смысле (преимущественно отражательные в терминологии А.В. Бондарко, или отражательно-ориентированные в терминологии Е.С. Кубряковой, например, род, время, лицо), и категории, отражающие взаимодействие человека с миром языка как особым, реально и объективно существующим материальным объектом (системно-ориентированные в терминологии Е.С. Кубряковой).

Категории, отражающие взаимодействие человека с миром в широком смысле, репрезентируют два основных уровня концептуализации в морфологии, соотносящиеся с предикативностью и сказуемостью. В соответствии с этим среди них можно выделить два типа категорий. Категории первого типа связаны с выражением предикативности как признака всего пред-

ложения-высказывания и ориентированы на то, что выходит за рамки непосредственно пропозиции. К этому типу относятся категории времени, лица (шире – персональности) и наклонения. Данные категории связаны с отношением человека к миру событий с точки зрения их актуализации в языке. Иными словами, они показывают средствами языка связь человека с этими событиями и позволяют представить сообщаемое в том или ином временном плане, а также в аспекте реальности ирреальности. Из сказанного следует, что этот тип категорий основан на взаимодействии неязыковых и языковых знаний.

Будучи связанными с реализацией предикативности, эти категории имеют в определенной степени «глобальный, всеохватывающий характер, регулярное формальное выражение, системно-парадигматический уровень реализации и формально-грамматический статус» [10: 16]. Такой всеохватывающий характер предикативных категорий, по мнению Н.Н. Болдырева, обусловлен «универсальностью задаваемых параметров и, следовательно, их независимостью по отношению к семантике самих глагольных лексем» [10: 16]. Сказанное в большей степени относится к категориям времени и наклонения как характеризующим событие в его целостности. Любой глагол в предложении-высказывании, независимо от своей семантической принадлежности, употребляется в одной из временных форм (настоящего, прошедшего или будущего) и в одной из форм наклонения. Категория же лица, в силу специфики строя современного английского языка, имеет «ограниченный» морфологический статус, сохранив только форму 3-го лица ед. числа, выражающую, скорее, грамматическую, согласовательную функцию. Другие значения этой категории реализуются на уровне синтаксиса с помощью дополнительных средств, в частности с помощью соответствующих местоимений в функции подлежащего.

Категории второго типа репрезентируют то, как связи между объектами реального мира отражаются в языке, тем самым представляя второй уровень концептуализации в морфологии – уровень выражения пропозициональных отношений, то есть соотносятся со сказуемостью. Сюда относятся глагольные категории числа, залога, аспекта, которые оформляют субъектно-предикатные отношения и больше ориентированы на языковые знания. Категории

этого типа (особенно аспекта и залога) отличаются от категорий первого типа определенной избирательностью в плане семантики глагольных лексем. Выражение соответствующих грамматических значений (аспектуальных и залоговых), отражающих фазовую и субъектно-объектную характеристики событий, непосредственно связано с дифференциацией лексико-грамматических классов глагольных лексем. Как известно, формы прогрессива и пассива возможны только у акциональных глаголов. Например, *Mary is speaking English now* и *English is spoken all over the world*. Ср. *The house belongs to Mr. White*. Но **The house is belonging to Mr. White*; **The house was belonged to Mr. White*.

Таким образом, категории первых двух типов имеют под собой онтологическую основу, так как тесно связаны с такими онтологическими категориями, как время, количество, отношение. Названные категории служат для «картирования» (термин Е.С. Кубряковой), членения и обозначения мира, тем самым в них в определенной степени отражается устройство мира и его представление в языке.

Категории, отражающие взаимодействие человека с миром языка, репрезентируют третий уровень концептуализации в морфологии – уровень собственно семантики языковых единиц, семантики, ориентированной на внешний мир и ее репрезентацию в языке. Они могут быть выделены в особый, третий, тип категорий, ориентированных на отображение связей, передаваемых категориями первых двух типов, в языке и их систематизацию. Они служат для «организации речевой деятельности, дискурса и «упаковки» информации» [6: 10].

В этом случае речь идет о таких категориях, как конкретность абстрактность, предельность неопредельность, качественность относительность, определенность неопределенность. Категории этого типа объективируют знание о языке как одну из разновидностей знаний о мире. Они отражают деятельность с реальностью и объективностью существования языка как особого материального объекта.

Выделенные типы категорий имеют в своей основе различные по структуре концепты. Так, категории первых двух типов опираются на концепты, отражающие как онтологию мира, так и онтологию языка и совмещающие в себе языковые и неязыковые знания о типичном элементе данной категории, о том, какие отношения человека с миром он представляет.

Эти концепты относятся к числу наиболее существенных для организации концептуального пространства, выступающих как главные рубрики его членения (фундаментальные концепты в терминологии Дж. Лакоффа). Они предполагают знание общих понятий, языковых концептов и соотносящих их понятий. В силу этого они имеют сложную многослойную и многомерную структуру (например, концепты грамматического времени и вида (аспекта)) [подробнее см. 4, 1].

Концепты, лежащие в основе морфологических категорий третьего типа, составляют часть собственно языковых знаний, выделяя отношения человека с миром языка. Они предполагают только знание общих понятий и способов их представления в языке и поэтому оказываются менее сложными по структуре (например, концепт грамматического числа у существительного).

Иными словами, морфологически передаваемые концепты представляют собой сложно структурированные компоненты знаний, коррелирующие, с одной стороны, с вербализованной частью концептуальной системы в сознании человека, а с другой – через вербализованные концепты, коррелирующие и с экстралингвистическим миром. В то же время, в отличие от лексически и фразеологически репрезентируемых концептов, морфологически передаваемые концепты, относясь к стабильной части концептуальной системы, ориентированы в большей степени не на внешний мир, а на внутренний строй языка, фиксируя то, как язык отражает мир.

Л.Талми говорит в данном случае о грамматически выражаемых понятиях [14]. Последние, в его понимании, представляют собой когнитивные категории, располагающиеся над традиционной грамматической сеткой, по отношению к которым традиционные грамматические категории рассматриваются как частные реализации. В логике этого «грамматическая подсистема» языка выполняет функции определения концептуальной структуры. Грамматические элементы в совокупности характеризуют множество краевых концептов, которое имеет ограниченное количество элементов, так как в него входят лишь определенные концепты. Грамматическая подсистема, будучи структурирующей, рассматривается Л.Талми как относительно закрытый, иерархически упорядоченный инвентарь концептуальных кате-

горий и составляющих их концептов. При этом автор исходит из того, что «множество грамматически выражаемых понятий составляет основополагающую концептуальную структурирующую систему языка» [14: 92].

В логике сказанного можно предположить, что морфологические категории представляют собой единство концептуального содержания и средств его выражения в каждом конкретном языке. Как следствие, в морфологии объективируются только те структуры, которые имеют значимость для конкретного языка на определенном этапе его развития. В этом смысле можно говорить о национальном своеобразии морфологии. Как замечает Ю.С. Степанов, с семиологической точки зрения морфология национально своеобразна, так как конкретные морфологические категории (как то падежа или вида) имеются лишь в определенных языках и на определенном этапе их истории [13: 296]. Соответственно морфологическая система в целом может рассматриваться как результат взаимодействия когниции человека как совокупности процессов, служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку, с морфологическими параметрами, присутствующими данному языку.

Между морфологическими категориями и концептами, которые они репрезентируют, отсутствует одно-однозначное соответствие. В основе категории может лежать один концепт (категория числа), несколько концептов (категории вида, степеней сравнения), что может быть рассмотрено как следствие одной из общих тенденций, выделяемых Е.С. Кубряковой в развитии языковых категорий. Она называет это тенденцией к утере единого основания и дроблению ее «фокусов» или же переосмыслению [6: 10]. В то же время один и тот же концепт может репрезентироваться несколькими категориями, что подтверждает идею о множественности воплощения когнитивных структур в языке. Так, например, идея времени, как отмечается большинством исследователей, находит языковую репрезентацию в морфологических категориях времени и вида, а также в категории таксиса. Однако в каждой из этих категорий она преломляется по-разному. Из этого вытекает важное для теории морфологической репрезентации следствие о том, что содержание концепта и содержание категории не совпадают (и не могут совпадать). В той или иной категории отображается только часть концепта.

В частности, в морфологических категориях, скорее всего, репрезентируются наиболее существенные, базовые характеристики концептов, определяющие их формирование как единиц концептуального уровня и имеющие важность для всего строя языка.

Отмеченный характер отношений между морфологическими категориями и передаваемыми ими концептами приводит к многообразию смыслов и форм их выражения (ср. в английском языке разнообразие форм передачи различных оттенков будущего и модальных значений), а также к наслоению категориальных смыслов (например, временных и аспектуальных) и возникновению сложных грамматических форм (в английском языке – система видо-временных форм).

Все сказанное позволяет предположить, что концептуальная информация в языке структурируется по-разному, в зависимости от того, какое средство для этого используется. Так, лексика скорее обобщает эту информацию, а синтаксис – расчленяет. В отличие от лексики и синтаксиса – морфология в большей степени представляет стандартизированное канонизированное языковое знание. В связи с этим Е.С. Кубрякова отмечает, что «грамматика отрабатывает конвенциональные формы описания положения дел или ситуаций с меньшим разбросом этих форм, зато во многих грамматических категориях отражаются, с одной стороны, **наиболее общие представления о членении мира** (выделено нами. – Н.Б.), а с другой – яснее всего сама альтернатива описания с небольшим числом возможных решений (ср. степени сравнения прилагательных или же категории вида или аспекта в глаголе)» [7: 486]. В этом плане морфология не выражает самостоятельного смысла, а служит основой для формирования смысла и участвует в этом процессе как элемент конструкции, относя передаваемый смысл к соответствующей концептуальной области и тем самым выполняя в отношении концептов релятивную функцию. Иными словами, морфологическая форма может рассматриваться как элемент внутри синтаксической конструкции, который вместе с ней формирует смысл.

Рассмотрим роль морфологически передаваемых концептов в качестве когнитивной основы морфологической репрезентации на примере концепта КОЛИЧЕСТВО. Собственно морфологическую репрезентацию в английском языке этот концепт имеет только в системе име-

ни существительного. Хотя репрезентируется он также и в системе прилагательного, где по способу представления оказывается частично морфологическим (категория степеней сравнения), и в системе глагола, в которой он имеет лексико-грамматическую репрезентацию, так как количественные значения заложены преимущественно в семантике глаголов, а категория числа носит чисто формальный согласовательный характер.

КОЛИЧЕСТВО относится к числу концептов, наиболее существенных для построения всей концептуальной системы, то есть организующих концептуальное пространство и выступающих как главные рубрики его членения. Это имеет своим следствием тот факт, что категория числа имени существительного оказывается наиболее стабильной среди морфологических категорий английского языка и сохраняется на всех этапах его развития.

Концептуализация количества осуществляется на трех уровнях [12, 5]. На первом уровне формируется количественное представление, на втором – количественное понятие недискретности и на третьем – количественное понятие дискретности. В системе морфологической категории числа имени существительного получают представление только второй и третий уровни концептуализации количества. В этом случае концепт КОЛИЧЕСТВО преломляется в морфологически передаваемый концепт числа. На базе этого концепта и строится морфологическая категория числа. По структуре он оказывается двумерным, включающим два основных компонента.

В качестве первого компонента – когнитивного основания – в нем выступает абстрактное понятие количества, выраженное частным случаем его проявления – числом, в основе которого лежит противопоставление единичности/множественности. Второй компонент концепта представлен конкретными смыслами языковых единиц (существительных) со значением числа.

Учитывая то, что концепт как минимальная единица универсального предметного кода обнаруживает нежесткую, неоднородную и многослойную структуру, содержание которой не является постоянным, представляется возможным говорить о прототипической организации его характеристик. В соответствии с этим и концепт числа обнаруживает прототипическую организацию. Прототипической для дан-

ного концепта характеристикой является дискретность, так как именно этот признак, как отмечается в исследованиях когнитологов, является наиболее выделенной для нашего сознания характеристикой количества.

Дискретность эксплицируется с помощью различных смыслов, передаваемых формой множественного числа, таких как: разделительная множественность (tables, books), репрезентативная множественность (the Browns), двойственная множественность (his legs = 2), конкретная множественность (более двух) (the dog's legs = 4), неопределенно большое количество массы (waters, sands), многосортность (teas, wines). Как видно из представленных смыслов, признак дискретности проявляется в них в различной степени и по мере продвижения от прототипического смысла ослабевает, постепенно (градуально) переходя в недискретность.

Признак недискретности занимает, таким образом, периферийное положение в структуре концепта. Он эксплицируется формой единственного числа, передающей следующие основные смыслы: собирательная множественность (team, covey), совокупная множественность (run, avalanche, benthos), конкретная единичность так называемой «спаянной совокупности» (family, advice, gentry, furniture), конкретная единичность «комплекта» или парного предмета (spectacles, trousers, tights, glasses), конкретная единичность (table, book), общность (The lion is the king of animals). Несложно заметить, что в перечисленных смыслах, передаваемых формой единственного числа, признак недискретности также выражается в различной степени и по мере продвижения к периферии усиливается.

Выражение данных смыслов, как видно из примеров, непосредственно связано с особенностями семантики существительного и опирается на знания таких языковых понятий, как конкретность абстрактность, исчисляемость неисчисляемость, дискретность недискретность, собирательность и т. д.

Таким образом, категория числа имени существительного репрезентирует третий уровень концептуализации в морфологии – уровень собственно семантики языковых единиц, так как наличие категории числа напрямую зависит от принадлежности того или иного существительного к той или иной семантической группе. Так, например, обе формы числа имеют, как правило, предметные существительные. Абстрактные существительные имеют только одну форму – единственного числа. В этом смысле категория числа служит морфологическим маркером таких категорий, как конкретность абстрактность, относящихся к уровню скрытой грамматики.

Рассмотрение проблемы когнитивных оснований морфологической репрезентации в языке позволяет объяснить сложную природу и особенности организации и функционирования морфологических категорий, преломляющих через себя категориальную часть системы знаний и отражающих некоторые особенности ее языкового представления. Суть и назначение морфологической репрезентации состоит в кодировании с помощью морфологических показателей основополагающих стабильных элементов смысла, наиболее общих и существенных свойств и отношений событий и их компонентов.

Список использованной литературы:

1. Беседина Н.А. Морфологическая репрезентация времени // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: Сб. научных трудов. Вып. 8. – Белгород, 2005.
2. Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола: Системный и функциональный аспекты. – СПб., 1994.
3. Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола. СПб.-Тамбов, 1995.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов, 2000.
5. Иволгина С.В. Уровни концептуализации количества и их языковая репрезентация // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 151-153.
6. Кубрякова Е.С. О двоякой сущности языковых категорий и новых проблемах в их изучении // Общие проблемы строения и организации языковых категорий. – М., 1998. – С. 7-12.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
9. Мещанинов И.И. Предикативность, сказуемость и глагольность // Вестник ЛГУ. 1946. №4/5. С. 119-132.
10. Моделирование процессов функциональной категоризации глагола / Под общ. ред. Н.Н. Болдырева. – Тамбов, 2000. – 172 с.
11. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова, Е.С. Кубряковой, В.И. Постоваловой и др. – М.: Наука, 1988.
12. Сайфуллаев Н.М. Логический анализ понятия количества: Дисс. ... канд. филос. наук. – М., 1974.
13. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика). – 2-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2002.
14. Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского университета. Сер. 9 филология. – 1999. – №1, №4, №6 – С. 88-115, 76-104, 88-121.
15. Wierzbicka A. The Semantics of Grammar. Amsterdam, 1988.